

***Социально-управленческая рефлексия опыта взаимодействия
религиозных и образовательных институций***

***Social-management reflection of religious and educational institutions
interaction experience***

**ГОРОДНЁВА М.С. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОБЪЕКТ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается соотношение традиционного и нетрадиционного типа религиозности. Представлена краткая типология современных нетрадиционных форм. В структуре современных социальных процессов «социальная адекватность» той или иной религиозной группы связана с принципом воздействия данных групп как на конкретного адепта, так и на социальную реальность в целом. В этой связи представляет интерес феномен социальной деструктивности в современной социально-религиозной динамике.

Ключевые слова: бытие; сознание; общество; религиозная типология; деструктивность.

**GORODNEVA M.S. RELIGIOUS PROCESSES AS AN OBJECT OF SOCIAL
SECURITY**

Abstract. This article is about the relationship between traditional and non-traditional religiosity types. It also contains an observation of modern non-traditional forms typology. In the structure of modern social processes, the "social adequacy" of a particular religious group is related to the impact of these groups on both specific adept and a whole social reality. That is the reason why the phenomenon of social destructiveness in contemporary socio-religious dynamics could be a point of interest.

Keywords: being; consciousness; society; religious typology; destructiveness.

Одной из сфер межличностных взаимодействий выступают отношения между людьми различных религиозных конфессий. По всему миру обострились конфликты, имеющие религиозные тенденции. Складывающаяся по всем направлениям социально-религиозной сферы сложная ситуация говорит о необходимости рефлексии и объединения усилий всех активных светских и духовных организаций на международном уровне для решения национальных и межконфессиональных проблем.

Важнейшим социально актуальным вопросом является вопрос о соотношении традиционной и нетрадиционной религиозности в современной глобальной культуре, а также тех социальных опасностях, которые способна заключать в себе деструктивная религиозность.

Традиционная религиозность отличается тем, что осуществляется самоидентификация личности с самосознанием народа, несмотря на изначально надэтнический характер исповедуемых мировых религий. Идентичность с культурой, народом, религией дает человеку ощущение стабильности в социальной жизни, что передается из поколения в поколение. Однако в современной культуре границы религиозной самоидентификации размылись.

Нетрадиционные религиозные движения (НРД) представляют собой явление религиозности, подчас радикально отличающееся от принятых религиозных форм данного общества, хотя конкретная историческая ситуация может спровоцировать их возникновение. Часто для них характерна пропаганда новых социально-религиозных утопий оппозиционной или альтернативной направленности.

Следует понимать, что не всегда возможно провести четкую грань между «мирными» и «деструктивными» религиями, тем более что установки одной и той же религиозной организации довольно быстро изменяются, и, при том, не в одинаковой мере по разным вопросам. В связи с чем, возникают трудности при классификации НРД, которые в отечественной и зарубежной литературе нередко именуются «тоталитарными или деструктивными сектами / культами». Однако под критерий «тоталитарности» часто попадают все остальные религиозные объединения, не относящиеся к традиционным конфессиям и не обладающие характером деструктивности. И.Я. Кантеров указывает, что данные понятия имеют оценочный характер и не обладают устойчивыми типологизирующими признаками [1].

Можно выделить следующие нетрадиционные формы религиозности [2]:

Религиозные движения *обновленческого* типа предлагают новое осмысление социальных проблем, и претендуют на неотложное и радикальное решение. К этому типу относятся аскетические и психосоматические культы, техники интеллектуального развития, трансцендентальной медитации, методики достижения «совершенного образа жизни» (сакрализация действительности). Эти движения опираются на воззрения, почерпнутые из традиций индуизма, дзэн-буддизма, тантризма, суфизма (теософия, антропософия, Агни-йога, кришнаизм посредством принципа бхакти-йоги).

Для *оппозиционных* мироборческих и богоборческих религиозных течений характерно отчужденное отношение к миру, противоборство, либо стремление подчинить его противоположным сакральным приоритетам. Подобные религиозные феномены могут иметь исток возникновения в прошлом, но осмысление социальной и культурной ситуации предлагается иное. В вариантах указанных религиозных представлений не наблюдается стремления к обновлению и усовершенствованию мира (неоокультизм, неошаманизм, культы дьявола, некоторые уфологические группы, неоспиритизм). Наиболее радикальный оппозиционный вектор представлен такими организациями, как Церковь Сатаны, неомифология германского фашизма.

К этой типологии можно отнести неоязычество, уменьшающее значение этического содержания в религии, утверждая тем самым отказ от христианской традиции. В неоязычестве наблюдается возврат к жесткой архаической нормативности и авторитету наставника.

Альтернативные религии принципиально не допускают компромисса с современным миром, решительно отказываясь от существующей социальной реальности и от официальных церквей, поддерживающих ее своим авторитетом. Для них неприемлемы никакие общественные реформы, поскольку царящее в мире зло полагается неискоренимым. Эта типология новых религиозных движений получила известность в период затухания в западных странах молодежного движения протеста 60-70-х годов, когда «движение Иисуса», секта «Дети Бога», «движение Харе Кришна» явились феноменами религиозного протеста, пришедшими на смену антиавторитарным социально-политическим выступлениям молодежи. Указанные тенденции отразились в молодежной контркультуре в форме радикальных движений *New Age*: «битнический дзэн», «Революция Иисуса», «наркотическая революция», «психоделия» Кена Кизи и Тимоти Лири.

Наиболее высокий уровень деструктивной активности характерен для *хилиастических сект*. Данные религиозные организации говорят о фактическом осуществлении Царства Божьего на земле в кругу избранных и предлагают всему человечеству последовать их примеру («Дети Бога», «Богородичный центр», «Церковь

последнего Завета», «Белое Братство»). Провозглашается необходимость ухода в потустороннюю реальность, что нередко реализуется через ритуальное массовое самоубийство членов секты.

Сложность описания нетрадиционных религиозных движений заключается в том, что-то или иное движение может обнаруживать различные типологические особенности, что говорит о динамике инновационных тенденций. Прежде всего, это связано с неоднородностью организаций и с историческим социокультурным воздействием. В связи с этим в некоторых случаях правомерно употребление понятия «*деструктивная секта*». Деструктивные секты, помимо экономического интереса, реализуют *властный*. В деструктивных религиозных организациях социальная структура существует через призму господства и подчинения, то есть отношения власти. В этой связи, возникают трудности при классификации нетрадиционных форм религиозности.

При исследовании данного феномена акцент необходимо делать не на характере *тоталитарности*, а на общей деструктивности. Деструктивность – понятие психологическое, а тоталитаризм – политико-правовое [3]. Деятельность деструктивных сект необходимо рассматривать как реакцию девиантного поведения в условиях социальной аномии в период духовного кризиса.

Деструктивность – это не только разрушение структуры личности и сознания, но и нарушение целостности общественного организма. Сохранению жизнеспособности и целостности общества способствует возрождение национальных культур, а также светская морально-этическая база.

Относить ту или иную религиозную организацию к феномену деструктивной секты следует лишь на основании достоверных свидетельств, что желательно и необходимо подтвердить в судебном порядке. Государство является последней инстанцией, которая связана законами и международным правом в отличие от общественных и религиозных институтов. Основанием для классификации тех или иных религиозных движений как деструктивных является наличие следующих факторов:

- Культивация асоциальности;
- Нарушение конституционных прав и обязанностей субъекта;
- Риск для физического и психического здоровья;
- Соккрытие истинных целей объединения;
- Контроль над сознанием и поведением человека.

У деструктивных сект диссонанс социального и духовного мира заключается в резкой непреодолимой грани между измерениями, поскольку в качестве идеологической посылки принимается тезис о безнадежной испорченности мира. В традиционных религиях связь между мирами остается, более того, ставится вопрос о спасении мира.

Традиционные религии от нетрадиционных отличаются тем, что в своем массовом аспекте являются социально-духовными, а не духовно-социальными (современная позиция РПЦ). Например, в исламе любые внутренние действия приравниваются к социально значимому поведению, что находит отражение в строжайшей дисциплине. Данный аспект призван регулировать общественную структуру.

Говоря о социальной организации новых религиозных движений (НРД) деструктивного толка, следует отметить, что они не предлагают субъектам своей модели социальной реальности. При необходимости используется потенциал социальных связей самого человека. Для лидеров движений социальная реальность становится сырьевым придатком, а для субъекта приобретает характер виртуальности. Лидеры деструктивных религиозных организаций создают свой замкнутый мир в общем пространстве социальной реальности, иногда целиком отмежевываясь от него. Таким образом, очевиден потребительский мотив подобного рода социального конструирования.

Активные кросскультурные взаимодействия на различных уровнях размывают установленные духовно-культурные ареалы. В связи с чем религиозность должна быть социально адекватной и сочетаться с толерантностью и гибкостью мышления, иначе она

вырождается в вариант «формальной» религиозности, дающей эффект косности, догматизма, а иногда и фундаментализма, что ведет к деструктивным проявлениям в рамках традиционной религиозности.

Знание механизмов манипулирования сознанием – это одно из средств защиты от сект и культов тоталитарной направленности.

1. Вербовка. Для установления контроля над сознанием адепта, осуществляется корректировка его общего психического состояния. Субъективные впечатления и эмоциональные ощущения человека на этапе вхождения в коллектив секты комфортны. Субъект испытывает удовлетворенность от того факта, что имеет возможность восполнить недостаток общения или желаемых чувств. Пребывание в культовой организации дает возможность субъекту почувствовать причастность к чему-то возвышенному, сакральному, к некой общей идее. Групповая сплоченность дает ощущение защиты, что поддерживает авторитет духовного лидера, играющего роль строгого, но при этом справедливого отца. Адепт верит в свою избранность, в высоту поставленных перед ним задач. Однако при этом часто концептуальное содержание и логичность культовых идей, их социальная конструктивность для субъекта не имеют особой значимости.

2. Для установления контроля над сознанием еще одним необходимым методом является принятие новообращенным субъектом *культовой терминологии и лексики*. Понятийный аппарат помогает незаметно для адепта изменить образ мыслей, навязать новые упрощенные стереотипы восприятия реальности, скорректировать ценностное отношение к людям вне культовой организации.

3. Следующим этапом является *преобразование картины мира* субъекта в соответствии с культовой интерпретацией. Трактовка бытия с позиции деструктивного культа «раскалывает» мир на «своих» и «чужих», что часто проявляет себя в двойных моральных стандартах.

4. Одним из методов контроля сознания адепта выступает *отбор информации о внешнем мире*. На этом этапе любые критические замечания по отношению к культу воспринимаются как ложь, происки «злых сил». Преднамеренно снижается статус критического рационального восприятия реальности и повышается эмоционально-чувственный компонент. Область в сознании субъекта, ориентированная на социальное пространство, уменьшается, а вместе с ним ослабевает, либо вовсе теряется интерес к социальным (внешним для культовой жизни) событиям.

На данном этапе воздействие осуществляется на психофизиологическом уровне: жесткий режим, недостаток сна, многочасовые занятия, речитатив, телесная неподвижность, либо жесткий и интенсивный ритм движений. Подобные техники приводят к переутомлению субъекта, снижению уровня критического восприятия происходящего, депрессивному состоянию, галлюцинациям, навязчивым мыслям и состояниям. Однако внутри деструктивного культа деформация в восприятии адептом воспринимается как ощущение «открывающегося сверхсознания».

5. Для манипулирования сознанием применяется *групповое давление* на мнение адепта, *скрываются истинные цели* общения. Организаторы в случае возникновения у адепта подозрения или критики, манипулируют посредством чувства вины, говоря о неспособности понять истину.

Вследствие указанных манипуляций у субъекта, вовлеченного в деструктивный религиозный культ, происходит изменение личности. Данная трансформация на начальных этапах обратима. На более поздних этапах происходит изменение ценностных ориентиров, на первый план выступают установки культовой группы, что неизбежно приводит к жесткости и холодности по отношению к другим людям, находящимся вне организации. В этой связи происходит ограничение круга общения только членами религиозного деструктивного культа. С окружающим миром адепты взаимодействуют преимущественно для вербовки или в коммерческих целях.

В межличностном общении не приветствуются юмор и ирония, поскольку они проявляют индивидуальное начало человека, что недопустимо в деструктивной религиозной организации. Культивируются идея избранности и чувство превосходства над непосвященными, что еще больше усиливает дистанцию между адептами и социумом.

Видоизменяются привычный образ жизни, рабочий ритм, бытовое поведение. На это влияет отсутствие личного свободного времени, деятельности вне культовой жизни организации, доминирование культовых ценностей над профессиональными интересами. Указанные стратегии способствуют контролю сознания адептов внутри организации, не позволяя уединяться и размышлять над происходящим.

В этом отношении основным средством защиты от религиозных культов деструктивной направленности является понимание технологии вовлечения людей, опирающиеся как на субъективные, так и на объективные факторы, влияние которых приводит к существенной деформации личности. Таким образом, важной социальной задачей по обеспечению безопасности личности является недопущение вовлечения людей в религиозные организации деструктивной направленности.

Литература

1. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в США и России // Библиотека культов. URL: <http://toptatarica.ru/palsh/kanterov.htm> (дата обращения 08.02.2016)
2. Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 72-73.
3. Ибрагимов В. Деструктивные религиозные культы и духовная безопасность России // Тоталитарные секты – угроза XXI века. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2001. С. 137.

ЛИПИЧ Т.И. РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается мысль о том, что основой для гуманизации и гуманитаризации системы образования в РФ и создания единой системы духовно-нравственного воспитания выступают традиционные моральные и религиозные ценности. Современное российское образование создает систему духовно-нравственного воспитания, имеющего главной своей целью духовное оздоровление общества, формирование у студенческой молодежи таких нравственных категорий, которые берут свои корни в традициях русской культуры. К традиционным ценностям, разделяемым большинством, можно отнести понятия веры, справедливости, любви, дружбы, взаимопомощи, патриотизма, семьи, образования. Для иллюстрации автор обращается к опыту по реализации системы духовно-нравственного образования и воспитания в деятельности НИУ «БелГУ».

Ключевые слова: традиции; ценности; религия; православие; образование; духовно-нравственное воспитание; национальная безопасность.

LIPICH T.I. THE ROLE OF TRADITIONAL VALUES IN EDUCATION

Abstract. The article discusses the idea that the traditional moral and religious values form the basis of the humanization and humanitarization of the education system in Russia and also form a single system of spiritual and moral education.

The modern Russian education creates the system of spiritual and moral upbringing that has as its main goal the spiritual recovery of the society and forms at students' society such moral categories that go back to the Russian culture traditions. The concepts of faith, justice, love, friendship, mutual aid, patriotism, family, education are the traditional values shared by the most people. For illustration purpose, the author refers to the experiences of the BSU in the implementation of the system of spiritual-moral education and upbringing.